

МАГОМЕТ (МУХАММЕД)

(ок. 570 — 632)

Основатель ислама

Отец Мухаммеда умер за два месяца до его рождения, а мать – когда ему было шесть лет. Воспитывал его сначала дед Абд-эль-Мутталиб, а потом – дядя Абу-Талиб, которого он еще в отрочестве сопровождал в Сирию (по торговым делам), и там, в Басре, по преданию, один несторианский монах по имени Бахира предсказал ему великую судьбу. Родители Мухаммеда, хотя принадлежали к господствовавшему роду, были бедны и не оставили ему никакого состояния. До 24-летнего возраста он был в услужении у своих дядьев, пас их стада или же исполнял должность погонщика верблюдов. Несмотря на такое незначительное положение, он стал известен своими способностями и честностью и получил прозвание эль-амин, что значит верный. В 594 году богатая вдова (от двух мужей) Хадиджа, дальняя родственница Мухаммеда (дочь Ховейлида, внука Абд-Менафова), обратила на него внимание и сделала своим приказчиком. Он с успехом водил ее караван в Сирию, и в следующем году она вышла за него замуж. Ей

было сорок лет, ему – двадцать пять. Брак их был вполне счастливым, хотя не дал Мухаммеду мужского потомства; три сына, рожденные ему Хадиджой, умерли в детстве, дочери же – Зейнаб, Рокайя, Омм-Кольсум и Фатима – остались в живых. Когда родилась последняя дочь, Хадидже был уже 51 год; она после того прожила еще 13 лет, и Мухаммед все время был ел верен; маловероятно также, чтобы до брака с ней он знал женщин. Таким образом, неумеренность в чувственной любви, которую обыкновенно ставят в вину Мухаммеду, относится исключительно к его старости и должна быть приписана скорее прежнему воздержанию, нежели порочным нравам. Оправдание старческих слабостей Мухаммеда и вместе с тем объяснение его тридцатилетней добродетельной жизни можно найти в его собственном, очевидно искреннем, заявлении: «Более всего на земле я любил женщин и ароматы, но полное наслаждение находил всегда только в молитве».

Мухаммед знал три религии: националь-

ную религию арабов, имевшую свое срединное святилище в его родном городе Мекке; религию Моисееву – от евреев Медины, и религию христианскую – преимущественно от монахов, с которыми встречался во время своих путешествий в Сирию, а также от эфиопов, заходивших в Мекку из Йемена. Национальная религия арабов была в состоянии смешения и разложения. Первобытный натурализм местных культов, приуроченных главным образом к священным камням и деревьям, терял свою живую силу над умами по мере возвышения племен над диким состоянием и по мере развивавшегося между ними взаимодействия. Знакомством с чужими богами, естественно, подрывалось исключительное значение своего собственного. Самое понятие Божества хотя начинало осознаваться в своей общности, но лишь смутным и неопределенным образом. Для его обозначения у арабов искони существовало слово Аллах общего семитического корня (иль, эль и т. д.), но с этими словами, кроме понятия о божестве, вообще соединялось также и представление об особом главном боге – владыке Каабы.

Божество представлялось внешними материальными предметами – естественными и искусственными идолами, хотя, конечно, не совпадало с ними, а богопочитание состояло единственно из внешних действий, оргий и жертвоприношений; были в употреблении и человеческие жертвоприношения – военнопленных и детей. Господствовавший обычай, требовавший, чтобы родители умерщвляли детей женского пола (если их было много), закапывая их живыми в землю, по всей вероятности был также связан с религиозным культом (хотя некоторые родители просто не хотели иметь дочерей и закапывали всех до одной). Духи умерших, особенно убитых, требовали человеческих жертвоприношений.

Такое богопочитание не устанавливало никакой связи между человеком и божеством

и не могло удовлетворять религиозное чувство. Так же мало оно могло служить нравственному и социальному объединению людей. Собрание людей разных племен вокруг Каабы во время хаджа имело, конечно, важное значение, поскольку оно знакомило их друг с другом, расширяло их умственный кругозор и представляло каждому наглядным образом идею национального единства. Но для осуществления на деле этого единства такой внешний способ был, конечно, недостаточен. Как из размещения многих идолов в одном огороженном пространстве не выходило одной религии, так и временное собрание всех арабских племен около этой ограды для наружного поклонения этим пестрым богам и для торговых сделок не создавало из этих племен одного социального целого. Священные месяцы проходили, и жестокие распри с убийствами и грабежами, возобновлялись с прежней силой, и долг кровной мести из рода в род оставался отличительной чертой арабских нравов и единственным общепризнанным законом арабской жизни.

Мухаммеду минуло сорок лет. Личная жизнь его была вполне благополучна. Жена его Хадиджа, обладавшая, как видно, необычайными силами духовными и телесными, пользовалась, несмотря на свои годы, прежней его привязанностью. Старшая дочь их была уже замужем, вторая помолвлена, а отсутствие мужского потомства было возмещено усыновлением двух молодых людей, безгранично ему преданных; это были Али, сын его дяди и покровителя Абу-Талиба, и Зейд Ибн-Харис, невольник христианского происхождения, которому он дал свободу, а потом и усыновил. Все близкие любили Мухаммеда, сограждане уважали его за честность и благочестие; богатство жены избавляло его от материальных забот, и он мог бы жить спокойно и счастливо, если бы не заговорило в нем его религиозное призвание. По преданию,

еще в ранней молодости он ежегодно уходил на месяц в пустынные горы Хи́ра, недалеко от Мекки, и там отдавался уединенным размышлениям. Его ум перерабатывал и усваивал духовные влияния, которые он в обычной жизни получал от евреев, христиан и ханифов. В нем выросло и укрепилось сознание, что боги его народа суть бездушные и бессильные идо́лы, а что истинный Бог один над всеми и для всех, что этот Бог, которого некогда в этой самой Мекке исповедовал праотец Авраам, открывал потом свою истину и свою волю разным народам через разных пророков, но что арабы не знали Его потому, что забыли веру Авраамову, и не являлось среди них посланника Божия, который напомнил бы им и восстановил ее. После того как Мухаммед внутренне убедился в теоретической истине единобожия, для него оставались неразрешенными два практических жизненных вопроса: 1) что должен он делать, чтобы угодить единому, истинному Богу, как или чем он должен служить Ему? и 2) как помочь арабам, погрязшим в заблуждении? Оба эти вопроса разрешались одним и тем же словом: проповедь; но Мухаммед эль-Амин был только честный арабский купец, ничего не знавший об автономной нравственности и категорическом императиве. Уверовав в живого Бога, он относился и к Нему так же, как, будучи приказчиком, относился к своим хозяевам. Проповедование людям истинной веры было делом Божьим, которое Аллах поручал своим избранникам, как хозяин поручает доверенному приказчику доставить свой караван по назначению. Мухаммед не мог брать на себя дела Божия, пока оно не было ему поручено самим Богом. И вот, с неудовлетворенным нравственным стремлением и неутоленной жадной религиозного дела, тоскливо бродил он в пустынных ущельях Хи́ра.

В месяц Рамадан 610 (а может быть, 612) года, во время своего ежегодного отшельниче-

ства, зашел он в пещеру и, утомленный долгими и бесплодными размышлениями, лег и заснул. То, что произошло с ним в эту ночь в пещере, было потом разукрашено всяческими легендами. Но вот его собственный простой рассказ, сохраненный в одном из преданий и отчасти засвидетельствованный Кораном: «Вдруг я почувствовал во сне, что кто-то приблизился ко мне и сказал: читай! Я отвечал: нет! Тогда тот сдвинул меня так, что я думал, что умираю, и повторил: читай! Я опять отказался, и опять явившийся сдвинул меня, и я услышал слова: «Читай во имя Господа твоего, который созидает – созидает человека из кровавого сгустка. Читай: Господь твой – Он милосердный – дает знать через писчую трость, дает знать человеку то, чего он не знал» (Сура ХСVІ, 1-5). Когда я это прочел, явление отступило от меня, и я проснулся. И я чувствовал, что эти слова написаны в сердце моем».

Мухаммед вернулся домой вне себя. Хадиджа с полным вниманием и доверием выслушала его рассказ, а родственник ее, Варака, которого она позвала по этому случаю, сказал: «Если это правда, Хадиджа, то значит на него сошел великий Намус, сходящий некогда на Моисея, и тогда значит он пророк нашего народа».

После этого с Мухаммедом несколько недель не было ничего особенного, но он, видимо, чего-то ждал, ибо снова отправился в пустыню ранее обычного срока. Пробродив понапрасну в горах, он впал в страшное томление и готов был броситься с высокой скалы, чтобы избавиться от давившей его тоски. Тут вдруг какое-то чудесное сияние озарило его, и он почувствовал полную уверенность и спокойствие в душе. Но тело его изнемогало, и он вернулся домой в сильной лихорадке. Он удалился в садовую беседку и, попросив, чтобы его завернули в плащ, лег на пол и тут в сильном нервном припадке (по ходячему мнению –

эпилептическом) услышал следующие слова: «Ты, завернутый в плащ! Вставай! Проповедуй! Господа твоего, прославляй Его! Одежды твои – очисти их! Нечистоты – избегай ее! Не будь добр из своекорыстия – и Господа твоего – крепко держись Его!» (Сура LXXXIV, 1-7).

После этого второго откровения Мухаммед более не колебался признать себя посланником Божьим и принять поручение свыше – проповедовать арабам истинную веру и обличать их заблуждения.

Семья Мухаммеда со включением усыновленных им Алия и Зейда, безусловно, поверила его призванию. По началам родового быта Аравии между отдельной семьей и целым племенем или родом (в широком смысле этого слова) корейшитов были промежуточные родовые звенья, из коих первым для Мухаммеда был дом Хашимов, т. е. все потомки прадеда Мухаммедова Хагаима. Итак, Мухаммеду, желавшему правильно действовать в народе своем, предстояло обратиться прежде всего к этим родным своим, ко всем сынам Хашимовым. Он пригласил их на собрание и объявил о своем посланничестве. Все пришли в удивление и негодование, ибо ожидали сообщения о каком-нибудь серьезном коммерческом или разбойничьем деле. Один из дядьев Мухаммеда, Абу-Лахаб, выразил общее мнение, закричав. «Чтоб тебе удавиться! Так за этим-то ты созывал нас?» Все разошлись со смехом и ругательствами. Сын этого самого Абу-Лахаба был уже помолвлен с дочерью Мухаммеда, Рокайей, но теперь старик, серьезно сочтя своего племянника и предположенного свата сумасшедшим, взял назад свое согласие. Но Рокайя, отличавшаяся красотой, скоро нашла себе другого жениха – Османа Ибн-Аффана из знатного семейства Омайядов. Осман, породнившись с Мухаммедом, стал вместе с тем ревностным последователем ислама и был потом третьим преемником пророка. Еще прежде приобрел Мухаммед для себя и ислама сво-

его будущего первого преемника Эль-Атика, по прозванию Абу-Бекр, который во все время его общественной деятельности был его главной опорой. Абу-Бекр, отношение которого к Мухаммеду можно сравнить с отношением Меланхонта к Лютеру, был человек кроткий, мягкий, невозмутимо спокойный, сговорчивый в вопросах чисто практических и непоколебимо твердый в главном деле.

Отвергнутый своей родней, Мухаммед стал проповедовать публично. Его проповедь, в особенности его нападения на национальных идолов, служивших связью племен и санкцией торговых перемирий, была неприятной для корейшитской знати и могла казаться ей опасной. Но долгое время Мухаммеда не трогали, боясь междоусобиц, ибо дом Хашимов, хотя отверг его проповедь, не отказался, однако, от обязанностей родства; особенно же ревностным защитником его был всеми уважаемый в Мекке дядя его, Абу-Талиб, который не верил в его посланничество, но был сильно привязан к нему лично.

За первые годы Мухаммедовой проповеди насчитывают 43 последователя ислама, большей частью из бедняков и рабов. Эти последние, естественно, стали из-за Мухаммеда подвергаться всяческому насилию от своих господ. Тогда богатый Абу-Бекр употребил значительную часть своего состояния на выкуп этих рабов – мусульман.

Некоторые его последователи, когда усилились гонения, решили искать убежища в той христианской стране, которая и этнографически, и политически стояла всего ближе к арабам Мекки, именно в Абиссинии. В 615 году 11 мусульман отправились через Красное море под покровительство негуса Аксумского.

В 617 году последовало второе, более обширное переселение в Абиссинию: туда отправились 83 мужчины и 18 женщин, во главе переселенцев был Осман со своей женой, дочерью Мухаммеда. Корейшиты потребовали от

негуса их выдачи, но получили отказ. Большая часть этих переселенцев впоследствии вернулась обратно.

Чтобы отнять у Мухаммеда последнюю опору, корейшиты обратились к Абу-Талибу, требуя, чтобы он образумил своего племянника. На увещевания дяди Мухаммед отвечал: «Если бы они давали мне солнце в правую руку и месяц в левую с тем, чтобы я оставил это дело прежде, чем Бог даст ему победу или я погибну за него – не оставил бы его». Сказав это, он хотел уйти, но Абу-Талиб удержал его, говоря: «Проповедуй все, что хочешь, сын брата моего! Я ни за что никогда не покину тебя».

Успехи ислама, придавая смелости Мухаммеду и его приверженцам, еще более ожесточили его противников. В 617 году корейшиты уговорились между собой прервать всякие отношения с мусульманами, не допускать их к Каабе, ничего им не продавать и не покупать у них. Поставленные вне общего закона, последователи Мухаммеда должны были запереться в отдаленном от городского центра квартале, где находился дом Абу-Талиба, вследствие чего вся эта местность называлась оврагом Талиба.

Мухаммеду пришлось поневоле расширить свою проповедь, перенести ее из запертой для него Мекки в другие места. В течение четырех мирных месяцев, кроме большой ярмарки в Мекке, бывали также многолюдные торжища в Мине, Указе и других местечках Хиджаза. Мухаммед отправлялся туда и проповедовал ислам. Хотя эта проповедь была безуспешна, главным образом вследствие противодействия корейшитов, зорко следивших за опасным человеком, однако важно было, что новая религия стала известна вне Мекки и что провозвестник ее вышел из пределов узкой местной деятельности. Он должен был остаться на этом новом пути и тогда, когда корейшиты (в 619 году) отменили свой уговор против

мусульман и согласились принять их опять в общение, – ибо условием для этого они поставили, чтобы Мухаммед не проповедовал в Мекке. Таким образом, ослепленные враги сами толкали ненавистного им пророка на более широкое поприще деятельности и вынуждали его к осуществлению замысла, рокового для защищаемых ими преданий и порядков.

Между тем и личные обстоятельства Мухаммедовой жизни побуждали его разорвать с Меккой или, по крайней мере, облегчали для его чувства этот разрыв. В 619 году скончалась Хадиджа, а через несколько недель после нее и Абу-Талиб. Сердечная связь Мухаммеда с родовой арабской стариной, с традиционной жизнью родного города была порвана. Консервативная Мекка представлялась для него только врагами, а его приверженцы, уже испытанные гонениями, чужие в своем городе вследствие вражды сограждан, готовы были вместе с вождем своим принять за отечество всякую страну, дававшую убежище исламу.

Такого убежища Мухаммед пробовал сначала искать по соседству с Меккой. В ста верстах от нее находился укрепленный город Таиф, принадлежавший бену-такифам, которые входили в состав большого племени Бену-Хавазин. Туда отправился Мухаммед с приемным сыном своим Зейдом. Проповедь ислама имела здесь самые печальные результаты: один из слушателей сказал: «Если бы Бог захотел нас обратить к Себе, Он, конечно, выбрал бы не тебя для этого дела». Другой иронически заметил: «Во всяком случае, нам с тобой разговаривать не приходится. Ибо если ты действительно посланник Божий, то как смеем мы, простые смертные, оспаривать твою священную особу; если же ты не то, за что выдаешь себя, значит, ты – обманщик и не стоишь того, чтобы тебе отвечать». От таких слов жители Таифа скоро перешли к соответственным действиям. Мухаммеду и Зейду пришлось бежать от побоев враждебной тол-

пы.

Окровавленные, спрятались они в саду, принадлежавшему двум братьям из Мекки, Отба и Шейба, которые сжалились над земляками, оставили их у себя переночевать и прислали им для подкрепления блюдо винограда. На обратном пути, в местечке Нахла, Мухаммед во время ночной молитвы видел несметную толпу джиннов, которые слушали его слова и вместе с ним поклонялись Аллаху. Ободренный этим в постигшей его неудаче, Мухаммед вернулся домой и своим невольным бездействием воспользовался, чтобы обдумать план дальнейших действий, ожидая первого благоприятного случая для начала его осуществления. Потерпев неудачу в соседних с Меккой чисто арабских местностях, он, естественно, должен был подумать о том городе (известном ему и по его путешествиям, и по семейным преданиям), в котором монотеистический еврейский элемент мирно уживался с арабским язычеством и не мог не оказывать серьезного влияния на верования и понятия туземцев. Если Мухаммед решил продолжать свою проповедь, то он должен был теперь попытаться успеха в Ятрибе (Медине) – более удобного места для восприятия ислама он не мог найти во всей Аравии. Случай для этого всего легче мог представиться во время великого весеннего праздника, когда и из Ятриба приходило в Мекку множество богомольцев. Мухаммед не откладывал дела и в первый же (по возвращении его из Таифа) праздник, в марте 620 года, успешно начал приводить в исполнение свой план.

Праздничные торжества, начинавшиеся у Каабы, заканчивались соборным жертвоприношением в долине Мина. Между этой долиной и Меккой проходила горная дорога, называвшаяся Акаба. По этой дороге в последние дни праздника двигались огромные толпы богомольцев. Находившийся среди них Мухаммед заметил группу людей племени Хазрадж

– одного из двух главных племен, населявших Ятриб; притом Бену-Хазрадж в последнее время находились в формальном союзе с ятрибскими евреями. От них они много раз слышали – и при теперешних своих дружеских отношениях, и при прежних враждебных столкновениях, – что Бог воздвигнет великого пророка, чтобы утвердить истинную веру и сокрушить язычество. Такие речи, при уважении и доверии арабов к «людям писания», производили на них сильное впечатление. Вероятно, Мухаммед прислушался к разговору этих арабов и заметил в них особое религиозное настроение. Он подошел к ним и, осведомившись об их происхождении, спросил: «Вы из тех, что в союзе с иудеями?» Получив утвердительный ответ, он попросил их сесть в стороне от дороги, за скалой, и выслушать его. Они охотно согласились, и он стал поведовать единого, истинного Бога и возвестил им ислам. Тогда они стали говорить между собою: «Не это ли тот самый пророк, о котором сказывали нам иудеи, что время его уже близко и что когда он восстанет, они пойдут за ним и побьют всех враждебных им арабов и истребят их, как были истреблены в древности неверные племена Ад и Ирам? Не лучше ли теперь нам предупредить их и первыми пристать к пророку?» И, обращаясь к Мухаммеду, они сказали: «Земляки наши – самые сварливые и разрозненные из всех народов, и потому мы уже хотели покинуть их. Но вот, быть может, истинный Бог соединит нас всех через тебя. Поэтому мы вернемся в город наш и положим дело твое перед глазами соплеменников наших, и вложим в уши их веру эту, которую приняли от тебя. И если истинный Бог в соединении приведет их к тебе, не будет человека во всей земле сильнее тебя». Затем они оставили посланника Божия и возвратились в место свое, исполненные веры и верности. А на будущий год они обещали вернуться в то же время и на то же место и привести других. Было же

их всего шесть человек.

Они сдержали обещание, и на следующий, 621 год, в конце праздника пришли к Акабе двенадцать человек уверовавших из Ятриба, десять из племени Хазрадж и два из племени Аус. Они торжественно принимают ислам и приносят Мухаммеду клятву, которою обязуются: не признавать другого Бога, кроме Единого, не воровать, не прелюбодействовать, не умерщвлять своих детей, не сочинять и не распространять клеветы и быть послушными посланнику Божию во всяком добром деле. На праздник 622 года пришло в Мекку из Ятриба уже 75 обращенных в ислам. Мухаммед и его близкие сошлись с ними в той же Акабе. Кроме мусульман, сопровождал Мухаммеда дядя его эль-Аббас (родоначальник одной из будущих династий халифата), который не принял новой веры, но и не враждовал против нее, как и умерший брат его, Абу-Талиб, хотя и по другим причинам: тот имел сердечную привязанность к племяннику, тогда как Аббас, отличавшийся дипломатическими способностями и практическим чутьем, сообразил, что из дела, поднятого Мухаммедом, начинает что-то выходить, и что нет выгоды с ним ссориться и сжигать свои корабли. Между тем и Мухаммед нуждался в Аббасе, как в одном из старейшин своего рода, чтобы дать своему решительному шагу законную форму, с точки зрения арабов. Аббас заявил собранию, что его племянник Мухаммед находился до сих пор под защитой своего рода, но что теперь он предпочитает защиту людей ятрибских, и что он, Аббас, от имени рода Хашимова и Мутталибова спрашивает присутствующих людей из племен Хазраджа и Ауса, желают ли они принять Мухаммеда к себе как одного из своих; и когда ятрибские мусульмане громко выразили свое согласие, Аббас объявил Мухаммеда отпущенным и свободным от обязанностей к своему роду. Тогда Мухаммед, в свою очередь, потребовал от ятрибцев, чтобы они поклялись,

что будут защищать его от всякой обиды хотя бы оружием, как они защищают своих жен и детей. После этой клятвы Мухаммед избрал 12 человек – 9 из Хазраджей и 3 из Аусов – для управления ятрибской общиной и для дальнейшей проповеди ислама.

Очень скоро после этого собрания большинство мекканских мусульман, с Омаром во главе, переселились в Ятриб. При Мухаммеде, откладываявшем по неизвестной причине свой переезд, оставались только Абу-Бекр и Али. Но когда стало известно, что корейшиты собираются силой задержать пророка и пошли даже слухи о заговоре против его жизни, пришлось принять меры к скорому и тайному бегству. Абу-Бекр купил двух верблюдов и с надежным проводником отправил их в условленное место по южной дороге, где было меньше опасности преследования. В назначенную ночь Али надел красный плащ пророка и остался в его доме, а Мухаммед с Абу-Бекром тайными путями вышли из города по направлению к югу, безлюдными тропинками прошли к горе Таура и спрятались в одной пещере, куда домашние Абу-Бекра приносили им в течение трех дней съестные припасы. На четвертую ночь они вышли из пещеры и пробрались к тому месту, где ждал их проводник с верблюдами. Мухаммед сел на верблюдицу Аль-Касва, Абу-Бекр – на другого верблюда, и они окружным путем, избегая большой караванной дороги, через восемь дней достигли ятрибского пригорода Коба, откуда Мухаммед, восторженно приветствуемый мекканскими «переселенцами» (могаджирами) и ятрибскими «союзниками» (ансарями), торжественно вступил в город, ставший с тех пор городом пророка (Мединет-наби, или просто Медина), и остановился в доме одного из Бену-Хазраджей – Абу-Эйюба, пока ему не построили (в следующем году) двух особых домов (для двух его жен) и рядом с ними особое здание для молитвенных собраний – первую

мусульманскую мечеть.

Вскоре по прибытии в Ятриб Мухаммед дал своей общине писанный устав, окончательно выделявший ее из арабского язычества с его родовым бытом и племенными делениями и полагавший основание мусульманству как религиозно-общественному и политическому строю. По этому уставу, все верующие как из корейшитов, так и из ятрибских жителей, переселенцы и союзники (могаджиры и ансары) составляют один нераздельный и равноправный народ. Нет более разделения на племена, а есть только противоположение между правоверными и неверными. Между правоверными не должно быть никаких раздоров, и старые племенные и родовые счеты должны быть забыты. Кровная месть между родами, принявшими ислам, отменяется. Правоверные должны защищать друг друга оружием против всякого нападения. Решение всех спорных вопросов должно быть предоставлено Богу и Мухаммеду.

Переселение Мухаммеда из Мекки в Ятриб имело для мусульманства прежде всего то значение, какое падение Иерусалима с 70 года имело для христианства: и в том, и в другом случае обрывалась историческая пуповина, связывавшая новую религию с материнской почвой. Но насколько мусульманство было проще христианства, настолько исторический процесс его развития совершался быстрее, был короче и сосредоточеннее, и потому последние десять лет жизни Мухаммеда, от хиджры до смерти пророка, совместили для его религии совокупность перемен, которым в истории христианства соответствует все то, что произошло в почти трехвековую эпоху, от взятия Иерусалима Титом до смерти Константина Великого (70-337 гг.).

За десять лет (622-632 гг.) произошло следующее: новый религиозный союз, образовавшийся вокруг Мухаммеда: 1) решительно обособился от языческих соплеменников в

Мекке; 2) столь же решительно обособился от иудеев в Ятрибе; 3) осознал свое религиозное начало как высшее и окончательное откровение; 4) к религиозному своему характеру присоединил политический, организовался в гражданское общество и государство; 5) усвоил идею священной войны; 6) через успешное применение этой идеи овладел центральным святилищем арабов и занял господствующее положение во всей Аравии и 7) переступил за пределы национально-религиозного сознания, признал за собой универсальное значение и сделал первые шаги к его осуществлению.

Мухаммед, убежденный в том, что получил непосредственное откровение от Бога, наравне с прежними «посланниками», не чувствовал никакого побуждения (если бы даже имел возможность) изучать те древние священные книги, на которые так часто ссылался. Ятрибские евреи, с которыми ему пришлось иметь дело, не могли, конечно, стать на его точку зрения. Против его мессианского достоинства (на признание которого с их стороны он, без сомнения, рассчитывал) они с самого начала уже имели одно сильное возражение: он был араб, принадлежал к сынам Измаиловым, а не к сынам Израилевым. Это препятствие еще можно было устранить с помощью какой-нибудь фантастической родословной. Но когда эти «люди писаний» убедились в крайне поверхностном знакомстве Мухаммеда с Библией, он потерял всякое религиозное значение в их глазах, и они прямо стали смеяться над его притязаниями. Мухаммед очень скоро понял безнадежность своего положения с этой стороны и прекратил всякие попытки к сближению. Дело было для него решено. «Бог послал евреям Коран для подтверждения их писаний, но они не поверили», — объявил он (Сура II) и, в знак совершившегося религиозного разрыва, переименовал киблу, т. е. тот пункт, к которому должны были обращать свое лицо мусульмане при молитве. До

сих пор киблою был Иерусалим, теперь молящимся было предписано обращать свое лицо к Мекке.

Дело Божие должно торжествовать на земле. Оно торжествует через добровольную преданность верных и через вынужденную покорность неверных. Добрые убеждаются проповедью посланника Божия, злые принуждаются к повиновению его мечом. Когда еще до хиджры Мухаммед взял с ансаров «клятву мужей», т. е. обязательство защищать его оружием, идея священной войны была уже, очевидно, принята им. В позднейших Сурах Корана, данных в Медине, эта идея утверждается с большой настойчивостью.

«Пусть те, которые жертвуют жизнью этого мира ради будущей жизни, соберутся под знамя Господа, и, падут ли они в сражении или выйдут из него победителями, они получат славные награды» (Сура IV, 76).

«Если встретите неверных, сражайтесь с ними, пока не произведете великого избиения. На пленных наложите цены. . . Бог мог бы истребить их и без вашей помощи, но Он хочет испытывать вас, одних через других» (Сура XLVII, 4-6).

Обособленный в Ятрибе и организованный ислам перестал быть только религиозным принципом, он стал уже реальной, религиозно-политической и военной силой, которая должна была показать себя на деле.

На другой год хиджры (в октябре 623 г.) Мухаммед послал одного из своих могаджиров с семьей товарищами к Мекке на разведку. Близ соседнего с Меккой селения Нахла они подстерегли караван, шедший с пряностями и кожами из Йемена под конвоем четырех корейшитов. Хотя уже начался ваджаб, один из четырех священных и мирных месяцев Аравии, мусульмане напали на караван, одного из конвоя убили, один убежал в Мекку, а двух они взяли в плен и привели вместе с награбленной добычей к Мухаммеду в

Ятриб. Тот сначала выразил негодование на нарушение национального обычая, но через несколько времени, опираясь на принцип, что «идолопоклонство хуже, чем убийство», примирился с совершившимся фактом и разделил между своими награбленную добычу. А через три месяца он отважился на новое, более значительное предприятие против мекканцев. От разосланных им разведчиков он узнал, что большой караван, ходивший из Мекки в Сирию под предводительством знатного между корейшитами Абу Софьяна, из дома Омайи, во главе военного отряда в 950 человек, с 700 верблюдами и 100 конями, вступил на обратном пути в Хиджаз с богатыми товарами на 50 тысяч динаров. Мухаммед решил на этот раз сам напасть на врагов: дело того стоило. Вокруг него, кроме 83 могаджиров, собралось еще ансаров 231 человек – всего 314 вооруженных людей с 70 верблюдами и двумя конями. Таким образом, силы, мусульман не достигали и трети сил противников, но это численное неравенство с избытком окупалось высоким одушевлением и крепким единством в дружине пророка. Это первое военное дело мусульманства произошло в оазисе Бедр (140 верст на юго-запад от Мекки) 17 Рамазана 2-го года хиджры (13 января 624 г. н. э.). Битва продолжалась всего несколько часов; мекканцы, потеряв около 50 человек убитыми и столько же пленными, в беспорядке бежали. Мусульмане, из которых было убито только 14, разделили добычу (одну пятаю в священную казну, одного верблюда и один меч, по выбору, Мухаммеду, остальное поровну между сражавшимися) и с торжеством вернулись в Ятриб. Из пленных корейшитов Мухаммед велел убить двух своих личных врагов, прочие были оставлены для выкупа.

В то же время, вероятно, решено было покончить с евреями. Через несколько недель после битвы при Бедре, в предместье Ятриба, населенном еврейским племенем Бену-

Кейнока, произошла уличная драка из-за нападения мусульманина на еврейскую женщину; драка закончилась двойным убийством – обидчика и защитника обиженной. Мухаммед воспользовался этим случаем, чтобы объявить войну всем Бену-Кейнока. После двухнедельной осады Бену-Кейнока, заморенные голодом, сдались и должны были выселиться из Ятриба. Они покинули Аравию и поселились в Сирии, в местечке Адриат (на восток от Иордана). Через год та же участь постигла и другое племя, Бену-Надиров, без всякого уже повода с их стороны, если не считать таковым предполагаемое намерение одного еврея убить Мухаммеда, о чем последний узнал будто бы от архангела Гавриила в особом откровении.

Между тем в Мекке собирались отомстить за поражение при Бедре. Объявлен был общественный траур, который должен был продолжаться до тех пор, пока Мухаммед не будет побежден.

Только через год после сражения при Бедре удалось вождю корейшитов, Абу Софьяну, собрать военные силы, достаточные для того, чтобы с надеждой на успех напасть на пророка в его собственном убежище. Эти силы состояли из 3 тысяч хорошо вооруженных воинов (между ними 700 в панцирях) с 3 тысячами верблюдов и 200 коней. Кроме корейшитов тут были и союзники из других племен. В огромном обозе было много женщин с музыкальными инструментами для ободрения сражающихся. Это войско подошло к Медине 5 Шаввала 3 года (24 января 625 г. н. э.) и остановилось на равнине, отделяющей город от горы Оход. На другой день, после некоторых колебаний и совещаний, Мухаммед решил не дожидаться осады. Он вывел за городские ворота свое маленькое войско, в котором было 700 человек его дружины (могаджиров и ансаров) и 300 человек из ятрибцев, но не принявших ислам, а вошедших в оборонительный союз с мусульманами.

Рано утром 7 Шаввала (26 января) Мухаммед быстро обошел неприятеля и занял выгодную позицию в ущелье горы Оход, повернув фронт к Медине, а тыл и правый фланг поставив под защиту высоких скал. На левом же открытом фланге он выбрал холм, с которого была видна вся равнина между горой и городом, и поставил там полсотни лучших своих стрелков, поручив им наблюдать за неприятелем, чтобы предупредить возможный с его стороны обход. Мухаммед имел время сделать эти распоряжения, так как корейшиты, стоявшие лицом к Медине и ожидавшие нападения оттуда, когда узнали о движении Мухаммеда к северной горе, должны были повернуть фронт и передвинуть обоз. Когда они двинулись к занятому Мухаммедом ущелью, сражение началось, по арабскому обычаю, единоборствами. Затем усилия мусульман, под предводительством зятя Мухаммеда, Али, направились на священное знамя Каабы, которым они и завладели, перебив одного за другим одиннадцать сменявших друг друга знаменосцев. Когда знамя корейшитов пало, а в то же время атака одного из их вождей, Халида, против левого фланга мусульман была отбита Мухаммедовыми стрелками, мекканское войско смешалось и подалось назад.

Передовой отряд мусульман прорвал ряды отступавшего неприятеля и ворвался в его обоз. Тут старые разбойничьи нравы взяли верх над новым религиозным одушевлением, и правоверные герои, как истые бедуины, бросились на богатую добычу. Их товарищи-стрелки, увидев оборот дела, не захотели себя обидеть и, бросив свою позицию, устремились туда же на грабеж. Увидав это, тот же Халил ударил в оставшийся без всякого прикрытия левый фланг Мухаммедовой дружины, а затем и все корейшитское войско, ободренное замешательством мусульман, перешло в наступление и стеснило их в ущелье. Сам Мухаммед был ранен камнем из пращи в лицо, а потом

еще мечом в колено и упал в ров. Его подняли, покрытого кровью и грязью, и пронесли сквозь ущелье в безопасное место на скалах, куда собрались вокруг него мусульмане, уцелевшие в битве и не убежавшие в Медину.

Между тем дядя Мухаммеда Хамза, лев ислама, был убит, а с ним более 70 мусульман. Среди торжествовавших корейшитов распространился слух о смерти самого пророка. Абу Софьян въехал на своем коне в ущелье и, приблизившись на расстояние человеческого голоса к новой позиции мусульман, крикнул «Правда ли, что Мухаммед убит?» – «Он жив и еще задаст вам», – крикнул ему в ответ Омар. – «Ладно! через год сойдемся при Бедре» – «Да! До свидания в Бедре».

В то время как вождь корейшитов так благородно условливался с побежденными врагами о новом сражении, его жена Хинд совсем в другом роде поминала старое. Ее отец, Отба, был убит при Бедре упомянутым дядей Мухаммеда Хамзой. Теперь она отыскивала труп этого кровного врага, распоролла ему живот и, вырвав печень, съела ее сырой. Другие женщины только отрезали у убитых мусульман носы и уши и делали себе из них ожерелья.

Корейшиты, потерявшие не более 30 человек убитыми, были вполне довольны одержанной победой и не намеревались ни делать облавы на засевшую в горах дружину Мухаммеда, ни нападать на Ятриб. Посвятив один день отдыху и погребению мертвых, они отправились назад в Мекку, а Мухаммед, никем не тревожимый, вернулся в Ятриб.

В битве при Оходе Мухаммед показал более полководческого таланта в начале, чем личной храбрости в конце. Он упал в ров скорее от испуга, нежели от раны; он носил на себе двойной панцирь с налокотниками и наколенниками, так что поранивший его меч Ибн-Камия не коснулся его тела; кровь же, которую увидели на нем его сподвижники, вытекала из раны от вышибленного камнем перед-

него зуба.

Благодаря изгнанию большинства евреев и прикреплению могаджиров Мухаммед стал господином Ятриба, который с тех пор мог по праву называться его городом (Мединет-эн-наби, или просто Медина). Многие из жителей города, а также из соседних бедуинов примяли ислам, и когда через год после битвы при Оходе Мухаммед выступил к Бедру для условленной встречи с Абу-Софьяном и корейшитами, его войско состояло уже не из 700, а из полутора тысяч человек. Вместо неприятелей мусульмане нашли в Бедре мирную ярмарку и, поторговав с выгодой, вернулись домой. Мекканцы отказались от назначенного турнира потому, что затевали нечто более важное. Не полагаясь только на собственные силы, чтобы покончить с Мухаммедом, они решили создать коалицию всех враждебных исламу племен Аравии. Кроме соседних с Меккой арабских племен, давших уже свой контингент и при прежнем походе, в союз вошли три многочисленных племени центральной Аравии; Бену-Гатафан, Бену-Солейм и Бену-Асад, а также еврейская колония Хейбар, куда временно переселились (по пути в Сирию) изгнанные Мухаммедом из Медины Бену-Надиры. Коалицию создал и союзными войсками предводительствовал тот же заклятый враг Мухаммеда – Абу-Софьян.

В это время, повествует предание, в Медине находился один персиянин по имени Салман, служивший некогда в персидских войсках и участвовавший во многих походах. Затем он подвергся разным бедствиям и попал в рабство к одному из жителей Медины. Приняв ислам, он получил свободу и ревностно служил Мухаммеду. Когда до Медины дошли известия о приближении большого войска корейшитов и союзников, и Мухаммед, не полагаясь на свои силы, решил уклониться от открытого боя и выдерживать осаду, этот перс Салман пришел к вождю правоверных и сообщ-

шил ему одно средство обороны, успешность которого была изведена на опыте в войнах персов с ромеями. Это средство, неведомое до того арабам, состояло во рвах и окопах, представлявших труднопреодолимые препятствия, в особенности для конницы неприятельской и для верблюдов. Мухаммед оценил практическую ценность этого совета и поспешил распорядиться его исполнением. Скоро вся Медина кругом была окружена рвами и земляными валами. Когда в начале марта 627 года союзные войска подступили к городу, они были остановлены неожиданным и необычным препятствием. Пришлось начать медленную войну с неприятелем, прикрытым надежной защитой. Между тем союзники, не рассчитывавшие на такой оборот дела, не запаслись достаточным количеством провианта для людей и животных, а в то время года жатва в окрестных местностях была уже снята жителями. После напрасных попыток перейти рвы, союзники, утомленные несколькими неделями напрасного стояния под городом при недостатке припасов, сняли осаду и разошлись по домам. Эта почти бескровная война осталась в летописях мусульманства как «окопная война».

В начале весны 628 года Мухаммед увидел вещий сон. Ему снилось, что он совершил священное хождение в Мекку и что ему передали ключи от Каабы. Он объявил об этом сне своим верным и повелел им снаряжаться в благочестивый поход; из оружия нужно было брать только мечи.

Первого числа месяца Зуль-каада Мухаммед, во главе полутора тысяч мусульман из Медины и из соседнего племени Бену-Аслам, двинулся в Мекку и беспрепятственно достиг местечка Осфан, в 70 верстах от священного города. Тут он узнал, что корейшиты, несмотря на наступление месяца священного мира, вооружились, собрали союзников и выступили против него. Свернув вбок и обойдя передовые разъезды неприятеля, Мухаммед с другой

стороны подошел к границе священной территории и остановился в местности Ходейбия. Он послал зятя своего, Османа, для переговоров; за пропуск к Каабе он предлагал безопасность мекканским караванам на неопределенно долгий срок. Осман не возвращался три дня, и мусульмане поймали нескольких мекканцев, чтобы иметь заложников. Мухаммед выбрал большое дерево и собрал вокруг него всю свою дружину. Он сидел под деревом, а каждый из правоверных подходил и ударял с ним по рукам в новое подтверждение неизменной верности. В это время вернулся из Мекки Осман с уполномоченным от корейшитов Согейлем Ибн-Амром. Он принес Мухаммеду предложение отсрочить до будущего года вход свой в Мекку и поклонение Каабе. Ревнителю ислама, с Омаром во главе, горячо восстали против такого унижительного предложения, но Мухаммед решил его принять. Согласились заключить письменный договор. Уполномоченный корейшитов не соглашался называть Бога так, как Он называется в Коране – Благой, Милосердный, а также не хотел титуловать Мухаммеда посланником Божьим. «Все равно, пиши, как он желает», – сказал Мухаммед Алию, и тот, со слов Согейля, написал следующий договор:

«Во имя Твое, Аллах! Вот условия мира, который заключают Мухаммед, сын Абдаллы, и Согейль, сын Амра. Они сошлись на том, чтобы между их сторонами не было войны десять лет и чтобы это время всякому, и с той, и с другой стороны, иметь взаимную безопасность и мир. Притом, если кто от стороны Корейша перейдет к Мухаммеду без согласия тех, кто имеет над ним законную власть, то должен быть выдан, а если кто от стороны Мухаммеда перейдет к Корейшу, того не выдавать. К тому же быть между нами истинной честности и никакой потаенной вражды и коварства чтобы не было».

Когда договор был подписан и корейшит-

ское посольство удалилось, Мухаммед велел своей дружине совершить заключительные обряды хаджа (жертвенное заклание баранов, подстрижение волос) и затем тронуться в обратный путь.

Мухаммед подписал договор, конечно, не с тем, чтобы его исполнять; ему нужно было собраться с силами, чтобы нанести решительный удар «идолопоклонникам Мекки». А пока он решил покончить с иудеями в Аравии, как уже покончил с ними в Медине. В апреле того же 628 года он выступил со своей дружиной в том же приблизительно числе, как и для священного похода, но с более полным вооружением, против еврейских поселений на север от Медины: Хейбар, Вадил-Кора, Фадак и Тейма. Евреи не вышли в поле и засели в крепких башнях. После нескольких недель осады они стали сдаваться, отряд за отрядом. Они должны были отдать победителям все свое имущество, а сами с женами и детьми получили свободный пропуск. При взятии Хейбара одна еврейка, по имени Зейнаб, у которой все родные были перебиты мусульманами, задумала отомстить. Притворившись расположенной к принятию ислама, она принесла в дар Мухаммеду зарезанного барана, смазав его сильным ядом. Мухаммед, собиравшийся ужинать с несколькими гостями, велел подать этого барана к своему столу. Взяв в рот кусок, он почувствовал дурной вкус и выплюнул; один из гостей, успевший проглотить, умер на месте. Но и Мухаммед легко не отделался. Он заболел, и с тех пор, как сам говорил, никогда уже не чувствовал себя вполне здоровым. Свою последнюю болезнь и смерть он приписывал действию того же яда.

Весной 629 года Мухаммед с двумя тысячами спутников отправился в Мекку. Все вооруженные корейшиты при его приближении вышли из города и стали лагерем в окрестных горах. С оставшимися жителями Мухам-

мед вступил в дружеские отношения, после того как он и его спутники торжественно совершили все священные обряды. Дядя его Аббас принял его в своем доме и предложил ему в жены свою овдовевшую невестку Меймуну. Мухаммед хотел остаться в Мекке и после условленных трех дней, чтобы отпраздновать новую свадьбу, но корейшиты потребовали точного исполнения договора. Мухаммед оставил Мекку, приобретя себе новых приверженцев среди ее жителей, в том числе победителя при Оходе, Халида Ибн эль-Валида.

Вероятно, в том же году (по некоторым преданиям еще раньше) Мухаммед послал послов к императору Гераклию, к персидскому царю Хозрою Парвезу, к правителю Сирии и к вассалу Византии, царьку сирийских арабов Хариту VII (из дома Гассанидов). Послы были снабжены письмами Мухаммеда, увещевавшего этих владетелей признать единого истинного Бога и принять ислам. Египетский наместник прислал Мухаммеду дружеское письмо и двух невольниц в подарок. На одной из них, по имени Мариат, Мухаммед женился, и она родила ему сына Ибрагима, который, однако, не оправдал надежд Мухаммеда иметь мужское потомство, так как умер в младенчестве.

Со стороны Сирии Мухаммед встретил враждебный прием. Пятнадцать человек разведчиков были захвачены врасплох и перебиты гассанидскими воинами, а гонец с письмом Мухаммеда к греческому коменданту Бостры был задержан по дороге и обезглавлен.

В сентябре 629 года Мухаммед послал своего приемного сына Зейда Ибн-Хариса с трехтысячным войском в Сирию. Вероятно, предполагалось иметь дело только с гассанидами, но, дойдя до южных берегов Мертвого моря, мусульмане неожиданно наткнулись на расположившиеся близ местечка Мута войска императора Гераклия, незадолго перед тем одержавшие блестящие победы над персами. По арабским известиям, очевидно преувеличен-

ным, это войско состояло из 100 тысяч человек. Во всяком случае, превосходство сил на стороне греков было подавляющее. Тем не менее мусульмане решились на сражение. После того как их предводитель Зейд и потом заместившие его Джафар (сын Абу Талиба, двоюродный брат Мухаммеда) и мединец Ибн-Рахава были убиты, мусульмане обратились в бегство, но Халиду удалось их собрать, привести в порядок и совершить правильное отступление к Медине. Мухаммед запретил городским жителям смеяться над беглецами, а Халиду, уберегшему войско от окончательного истребления, он дал почетное прозвище Божий меч.

Обыкновенный политический прием Мухаммеда состоял в том, что, потерпев поражение от одних врагов, он, прежде чем собраться с силами для верного отмщения, поддерживал свой престиж нападением на других, более слабых противников. Так поступил он и на этот раз. Немедленно после поражения при Муте он посылает Амра Иби эль-Аси (знатного корейшита, обратившегося в ислам вместе с Халидом) в поход против Гатафанов и других племен средней Аравии. Они покорились почти без сопротивления и объявили себя сторонниками Мухаммеда, который теперь несомненно стал самым могущественным властителем на всем полуострове. Видя это, мекканцы решились на последнюю попытку сопротивления.

Вступившее в союз с Мухаммедом племя Бену-Хозаа, под Меккой, находилось в давней кровной вражде с соседним племенем Бену-Бекр, состоявшим в союзе с корейшитами. Между ними происходили постоянные драки. Одна такая драка вышла из-за Мухаммеда. Кто-то из Бену-Бекров, сказавший что-то оскорбительное для пророка, был избит присутствовавшими хозаитами. Его родичи пожаловались корейшитами и от некоторых из них получили совет разделаться силой с союзни-

ками Мухаммеда, т. е. нарушить Ходейбийский договор. Тогда Бену-Бекр ночью напали на отряд хозаитов и многих перерезали. Как только это стало известно в Мекке, народ восстал против воинствующих корейшитов и объявил, что не желает навлекать на себя справедливого мщения Мухаммеда. Корейшиты уступили народным требованиям, и Абу-Софьян, вражда которого к Мухаммеду за последние годы совсем исчезла, был послан в Медину для мирных переговоров. Мухаммед, разумеется, не поддавался этим увещаниям и немедленно после отъезда Абу-Софьяна выступил со всеми силами мусульман и новых союзников – более 10 тысяч человек – против Мекки. По дороге он встретил многих мекканцев, переходивших на его сторону и принимавших ислам. Таким образом присоединился к нему окончательно и старый дядя его Аббас.

В январе 630 года мусульманское войско стало лагерем около Марр-эз-Захрам, в девяти верстах к северо-западу от Мекки. Корейшиты послали к Мухаммеду опять Абу-Софьяна для переговоров. На другой день он принял ислам, а Мухаммед со своим войском беспрепятственно вступил в священный город. По новому договору, жители Мекки признавали верховную власть Мухаммеда и предоставляли в его распоряжение свои вооруженные силы; за это они получали равное с мединцами право на военную добычу. Большинство тут же приняло ислам. Мухаммед семь раз объехал Каабу на своей верблюдице Эль-Касва, семь раз дотронулся своим посохом до священного камня, велел уничтожить всех идолов вокруг святилища, затем во имя Божие торжественно подтвердил все права Мекки и ее территории, но вместе с тем объявил равенство всех людей перед Богом и одинаковую для всех обязанность подчиняться законам ислама. В заключение он предписал мекканцам истребить идолов и у себя в домах. Язычни-

ки, на опыте убедившиеся в бессилии своих богов, охотно исполнили это повеление.

Тем не менее Мухаммед не намеревался перенести в Мекку свое местопребывание. Он решительно объявил своим мединским сподвижникам: «я хочу и жить, и умереть вместе с вами», и уже собирался в обратный путь к Медине, как пришло известие, что на него поднимаются новые силы. Могущественный союз бедуинских племен, носивших общее название Эль-Хавазин и занимавших обширную территорию, простиравшуюся из глубины Среднеаравийской пустыни до границ мекканской области, включая соседний с Меккой город Таиф, выставил огромное для тех мест и времени войско в 20 тысяч человек, которое под начальством Малика Ибн-Ауфа уже стояло около Таифа.

Мухаммед, увеличив свои силы на две тысячи новых мусульман-мекканцев, выступил навстречу неприятелю. Между враждебными войсками находилась глубокая долина Хонейн. Малик, оказавшийся недурным полководцем, успел занять боковые ущелья конными отрядами, и, когда мусульмане вошли в долину, они были окружены неприятелем с обоих флангов. Мусульманское войско состояло из трех главных отделов: подчиненные Мухаммеду бедуинские племена, мекканцы и старые мусульмане, или мединская дружина. Бедуины, по обычаям пустыни считавшие поспешное бегство такой же важной и почтенной частью военного искусства, как и успешное нападение, немедленно обратились вспять; мекканцы, приведенные этим в замешательство, последовали их примеру, а затем общая паника охватила и мединцев. Мухаммеду, которого чуть было не отрезали неприятели, удалось громкими криками: «сюда, люди дерева!» (т. е. клявшиеся под деревом в Ходейбии) остановить бегство своей дружины и собрать ее вокруг себя. Когда вернулись и прочие части войска, неприятель был вытеснен

из Хонейнской долины; одно из племен, Бену-Такифы, которым принадлежал город Таиф, ушло под защиту его укреплений, покинув союзников. Прочие пытались защищать свой лагерь у местечка Эль-Атуас, что значит печь. «Печь разгорается жарко», – сказал Мухаммед. После упорного боя Хавазины бросили лагерь и бежали в Таиф; 6 тысяч женщин и детей. 24 тысячи верблюдов, несчетное множество овец, коз и всякого добра досталось мусульманам. Мухаммед раздал большую часть добычи мекканцам, и, когда обиженная этим его дружина стала выражать свое неудовольствие, он сказал: «Неужели вы недовольны тем, что эти (мекканцы) погонят к себе овец и верблюдов. а вы, ансары, поведете с собой посланника Божия? Клянусь Тем, в Чьих руках душа Мухаммеда! Если бы я мог выбирать, где родиться, я родился бы между ансарам. И если бы весь свет пошел на одну сторону, а ансары на другую, я оставил бы весь свет и пошел с ансарам. Боже! будь милостив к ансарам, и к сынам ансаров, и к сынам сынов их вовеки!» Растроганные сподвижники закричали; «Мы довольны своей долей и жребием, посланник Божий!» Мухаммед знал, что их сердца принадлежат ему, тогда как сердца мекканцев нужно было еще завоевать; и тут он имел полный успех: кто не поддался снисходительному и дружелюбному обращению победителя, не мог устоять перед щедрыми дарами. Но Мухаммед приобрел сердца и только что разбитых перед тем неприятелей. Когда пришли послы от Малика и Хавазин, Мухаммед отпустил без выкупа их жен и детей. Тронутый таким великодушием, Малик принял ислам, а его примеру последовали и подвластные ему бедуины.

По возвращении в Медину Мухаммед собрал 30-тысячное войско и объявил поход против Византии. Но, дойдя до пограничного с Сирией города Табука, он остановился. От передовых отрядов пришли известия, что полчи-

ща сирийских арабов, собравшиеся к востоку от Иордана, рассеялись без боя, а о войсках императора Гераклия нет никакого слуха. Под этим странным предлогом – как будто дело шло об единоборстве в назначенном месте и времени – Мухаммед решил отказаться от дальнейшего похода. Заключив договоры с некоторыми шейхами бедуинов на Синайском полуострове, которые, вместо вассальных отношений к Византии, признали его верховенство, Мухаммед вернулся в Медину. По всей вероятности, у него было уже предчувствие смертельной болезни, и он не находил в себе достаточно сил для такого важного и нового предприятия. Это подтверждается тем прощальным характером, какое приняло его последнее путешествие в Мекку. По окончании священных обрядов он обратился к собравшимся в долине Мина богомольцам с особой речью. Напомнив им все заповеди и законы ислама, он увещевал их быть между собой в мире и братском единстве, навсегда отказаться от обычая кровной мести, хорошо обращаться со своими женами и рабами и в заключение сказал: «Воистину, я исполнил то, что было мне поручено».

Через несколько месяцев после возвращения домой он почувствовал приступ горячки. Передав Абу-Бекру предстояние на молитве в Мединской мечети, он остался безвыходно в доме любимой жены своей, Аиши. Он не сомневался в близкой смерти и отпустил на волю всех своих рабов. Временами он впадал в бред и однажды потребовал письменных принадлежностей. Его требование не было ис-

полнено, и он на нем не настаивал. Утром в день своей смерти он пришел в полное сознание и показался на пороге смежной с домом Аиши мечети, когда верные были там собраны на молитву. Этот выход истощил его последние силы; когда Аиша уложила его в постель, началась агония. Проговорив задышающимся голосом бессвязные слова: «нет – великие – товарищи – в раю», он умер в первом часу пополудни 8 июня 632 года (13 числа месяца – первого Раби 11 года хиджры) на 63 году от рождения.

В предании о ночной поездке Мухаммеда в Иерусалим рассказывается, между прочим, как в «доме поклонения» пророку после молитвы были предложены три чаши: одна с медом, другая с вином и третья с молоком, – и он выбрал из них последнюю.

Между языческой чувственностью (мед) и христианской духовностью (вино) ислам в самом деле есть здоровое и трезвое молоко: своими общедоступными догматами и удобоисполнимыми заповедями он питает народы, призванные к историческому действию, но еще не доросшие до высших идеалов человечества.

Для арабов и других народов, принявших религию Мухаммеда, она должна стать тем, чем был закон для иудеев и философия для эллинов, – переходной ступенью от языческого натурализма, к истинной универсальной культуре, школой спиритуализма и теизма в доступной этим народам начальной педагогической форме.